

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-181-194>

<https://elibrary.ru/PRHJPD>



This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

Е.С. Шадрина (инокия Мария)

ФРАГМЕНТ ВЕЛИКОГО АКАФИСТА В СОСТАВЕ ПРЕДИСЛОВИЙ МАЛОГО СОЛЬБИНСКОГО СИНОДИКА

Аннотация: Гимнографические тексты наряду с текстами других жанров традиционно входили в состав синодиков с литературными предисловиями. В Малом синодике Сольбинской Николаевской пустыни встречается отрывок, жанровая принадлежность которого ранее определялась некорректно. Это фрагмент 9-го икоса акафиста Пресвятой Богородицы. Проведенное исследование позволило выдвинуть гипотезу о происхождении отрывка в составе синодика: оно было обусловлено непригодностью листа для акафистного списка из-за допущенной переписчиком ошибки. Включение фрагмента не противоречит жанровым особенностям синодика и акафиста. Отрывок естественно вписался в группу текстов синодика и стал аллюзией на традиционные богословские параллели в духе «эсхатологического оптимизма»: смерть — таинственное рождение в вечную жизнь, девство по Рождестве — жизнь по смерти, Боговоплощение — начало упразднения смерти, спасения человека. Фрагмент акафиста рассматривается в контексте других синодичных предисловий и гимнографических текстов.

Ключевые слова: синодик с литературными предисловиями, синодик как литературный сборник, синодики Сольбинской Николаевской пустыни, Великий акафист, гимнографический жанр, эсхатологический оптимизм.

Evgeniya Shadrina (nun Maria)

FRAGMENT OF THE GREAT ACAFIST IN THE FOREWORD OF SMALL SOLBINSKY SYNODIK

Abstract: The article examines a fragment of the great acafist in the foreword of Small Solbinsky Synodik. Gymnographic texts, along with texts of other genres, have traditionally been part of synodic books with literary prefaces. In the Small Synodic of Solba Nikolayev hermitage, there is a fragment, the genre of which was previously determined incorrectly. This is a fragment of the 9th ikos of Akathist of the Most Holy Theotokos. The study made it possible to put forward a hypothesis about the origin of passage as part of synodic book:

it was due to the unsuitability of sheet for the akathist list due to a mistake made by the scribe. The inclusion of the fragment does not contradict the genre peculiarities of synodic and akathist. The passage naturally fit into the group of synodic texts and became an allusion to traditional theological parallels in the spirit of “eschatological optimism:” death is the mysterious birth into eternal life, virginity after Christmas is life after death, Incarnation is the beginning of abolition of death, the salvation of man. The fragment of Akathist is considered in the context of other synodic prefaces and hymnographic texts.

Keywords: synodic with literary prefaces, synodic as a literary collection, synodics of the Solba Nikolaev hermitage, The Great Akathist, hymnographic genre, eschatological optimism.

Проблема определения жанра фрагмента

Внутрижанровый состав синодика с литературными предисловиями разнообразен и включает в себя как четьи (повествовательные), так и гимнографические жанры. Е.А. Осокина писала о гимнографии, что она «не может находиться вне круга литературных памятников. Более того, для ранней стадии древнерусской литературы она является высшей формой художественного творчества — духовной лирикой или литургической поэзией» [4]. Е.В. Петухов гимнографические жанры в составе синодика отдельно не рассматривал, включив их в сборную группу текстов, названную лирико-описательно-назидательным элементом. Если другие элементы предисловий (повествовательный, исторический, теоретический) проводили мысль о необходимости поминовения усопших, то лирический элемент должен был сильно действовать на чувство читателей [5, с. 229].

Среди гимнографических текстов в составе литературных предисловий Синодика наиболее изучена молитва Кирилла Иерусалимского, предварявшая помянник на протяжении всего существования памятника от первой, Иосифовой редакции памятника вплоть до XX в. [3, с. 25–35]. Между тем в состав синодика — литературного сборника — входили и другие гимнографические жанры, например, такой многострофный жанр, как канон из «Чина, бываемого на разлучение души от тела, внегда человек долго страждет» [5, с. 230]. В лицевых синодиках чаще всего встречаются заимствованные из Требника заупокойные стихиры преподобного Иоанна

Дамаскина. Приоритет отдавался малым жанровым формам. Типичным примером в данном отношении служит Большой синодик Николо-Сольбинской пустыни из фондов Переславль-Залесского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (ПЗГИАХМЗ. Инв. № 4310). Л.Б. Сукина характеризует памятник как сборную рукопись в 2° (31×20×2,5 см), состоящую из 141 листа — 18 (?) тетрадей, заполненных более чем десятком почерков за период с середины XVIII в. и собранных под один переплет не позднее 1782 г. Состав памятника традиционен для синодиков непостоянного состава: блок литературных предисловий, проиллюстрированный 22 лицевыми миниатюрами и помянник. Сохранность частей синодика различна. Некоторые листы отделяются от тетрадей, бумага пожелтела, загрязнена [6, с. 76–77]. Из гимнографических текстов в состав Большого Сольбинского синодика входят: стихира при последнем целовании «Приидите, последнее целование дадим брату умершему» [13, л. 7 об.], самогласен «Плачу и рыдаю, когда помышляю смерть» [13, л. 11 об.] (авторства преподобного Иоанна Дамаскина) и одна из редакций молитвы святителя Кирилла Иерусалимского [13, л. 28–33]. Все они часто включались в состав синодичных предисловий.

Необычен с точки зрения использования гимнографического текста Малый синодик Николо-Сольбинской пустыни, созданный во второй половине XVIII в. и хранящийся, как и Большой синодик, в Переславском музее-заповеднике (ПЗГИАХМЗ. Инв. № 4309). Он представляет собой рукопись в 4° (20×16,6×1,5 см) из 41 листа, состоит из 6 сшитых тетрадей. Синодик написан несколькими почерками. По археографическим признакам Л.Б. Сукина выделяет в рукописи две части, старейшая из них, имеющая существенные утраты листов, датируется серединой XVIII в. Позднее, в 1770–1780-х гг., к ней подшивались новые листы с записями поминаний. В единый кодекс синодик был собран во второй половине XVIII в. Состав памятника двухчастный: фрагментарно сохранившееся литературное предисловие с 28 лицевыми миниатюрами и помянник. Л.Б. Сукина отмечает: «...сохранность синодика не очень хорошая. Блок рукописи отделяется от переплета, многие листы выпадают из тетрадей, несут следы воска и книжного жучка, часть из них подклеена бумагой более позднего происхождения» [6, с. 79–80].

В Малом синодике встречается только один гимнографический текст [12, л. 28 об.], Л.Б. Сукина называет его «фрагментом ритмизированного панегирического стиха в подражание молитве» [6, с. 81] и «похвалой» [6, с. 320]. Оба жанровые определения неточны, что обусловлено ошибкой в идентификации гимнографического текста. Исследователь верно отмечает его фрагментарность, ритмизированность, близость к таким лирическим жанрам, как молитва и похвала. При этом отрывок принадлежит к вполне определенному гимнографическому жанру акафиста. Этот жанр представляет собой сложное по композиции хвалебно-благодарственное песнопение древневизантийского происхождения. Первым по времени создания и самым известным является акафист Пресвятой Богородице, называемый также Великим акафистом [7]. Используемый в Малом Сольбинском синодике текст представляет собой фрагмент из 9-го икоса именно этого древнейшего из памятников.

Необычно месторасположение, занимаемое этим отрывком. Он отделен от всех предшествующих синодичных предисловий двумя страницами поминальных записей имен [12, л. 27 об. – 28]. Это единственный литературный элемент синодика, который не проиллюстрирован. Текст выполнен полууставом, значительно аккуратнее и тщательнее, чем все другие записи в синодике. Заглавная буква каждого хайретизма (приветствия, начинающегося словом «радуйся», по-гречески — χαῖρε) выделена киноварью.

Текст, включенный в синодик, сложно назвать выдержкой из акафиста. Икос приводится не с начала — явно, что фрагмент является продолжением неких предыдущих записей: «[е]си; мы же, таинству дивящися, вѣрно вопиемъ...». Л.Б. Сукина, опубликовавшая тексты Сольбинских синодиков, предложила прочтение слова «еси» как «вси» [6, с. 320]. Это придает тексту большую связность, однако в таком случае необъяснимой остается постановка знака « ; » в современном значении — «?». К тому же в самом Великом акафисте употреблено именно «еси» в следующем контексте: «Ветия многовещанныя, яко рыбы безгласныя видим о Тебе, Богородице, недоумевают бо глаголати, еже како и Дева пребываеши, и родити возмогла еси? Мы же, таинству дивящися, верно вопием: Радуйся...» [11, с. 114–115].

При сравнении фрагмента с самим акафистом выясняется несоответствие. Отрывок включает в себя пять хайретизмов: «Радуйся, пре-

мудрости Божия приятелище. Радуйся, промышленности его сокровище. Радуйся, любомудрыя немудрыя являющая. Радуйся, хитрословесныя безсловесныя обличающая. Радуйся, и яко увядоша баснотворцы». Пятый хайретизм в оригинале идет шестым; таким образом, хайретизм «Радуйся, яко обуяша лютии взыскателе» в синодике пропущен. Примечательно, что после этого не по порядку написанного хайретизма запись обрывается, хотя на листе остается еще достаточное для записей место. Оно было заполнено позднее именами для поминовения, но уже другим почерком [12, л. 28 об.].

Встречается во фрагменте и другое несоответствие. Л.Б. Сукина перед словами «яко увядоша баснотворцы» внесла в публикацию выносное «i» [6, с. 320]. В действительности в синодике эта буква или знак неясны, край листа плохо сохранился, но можно предположить, что появлению черты также послужила небрежность переписчика, а не намеренное употребление избыточного союза, которого в самом акафисте нет. Важно, что до ошибочно вписанного хайретизма никакие пометки не встречались.

Надо отметить, что другие примеры включения в синодик отрывков из акафистов неизвестны. Фрагмент, вошедший в Сольбинский синодик, представляет собой явление уникальное. Интересно, что создание Малого Сольбинского синодика связывает с текстом акафиста Пресвятой Богородице еще один факт. На обороте последнего листа синодика приведены «разрозненные черновые записи, пробы пера», по замечанию Л.Б. Сукиной [6, с. 334]. Исследователь эти записи не публикует. Действительно, каждая из этих разрозненных фраз по отдельности не заслуживает внимания, но все вместе, дополняя друг друга, они представляют значительный интерес, будучи тематически однородными и связанными с гимнографическими текстами, посвященными Пресвятой Богородице. Среди проб пера встречаются неоднократно повторенные разными шрифтами начальные строки молитвы акафиста «О Пресвятая Госпоже Владычице Богородице, вышши всѣхъ ангель...», начало тропаря «Богородице Дѣво, радуйся, благодатная Марие, Господь с Тобою, благословена...» и, казалось бы, не относящиеся к этому слова «месяца марта» [12, л. 41 об.]. Между тем Великий акафист — единственный акафист, пение которого предписывается Типиконом. Это происходит в субботу 5-й седмицы Великого поста, называемую также «Субботой акафиста», выпадающую чаще всего на март.

Немаловажно, что лист с фрагментом акафиста имеет очерченную пером двойную рамку, которой не наблюдается ни на каких других листах.

Совокупность изложенных фактов позволяет с большой долей вероятности предположить, что время создания Малого Сольбинского синодика совпало со временем создания одного из многочисленных списков Великого акафиста. Фрагмент 9-го икоса находился на одном из листов, предназначенных для этого списка, и служил продолжением других кондаков и икосов. Переписчик случайно ошибся — пропустил один хайретизм. Для акафиста страница была уже непригодной. Не видя смысла дальнейшей переписки акафиста на этом листе, книжник остановился. Бережное отношение к каждой странице (даже обрывок бумаги с пробами пера был сохранен) побудило использовать испорченный лист в другом месте — среди поминальных записей синодика, причем «инородный» текст не был заклеен чистым листом, как делалось в других местах синодика при помарках. Возникает вопрос: была ли страница с фрагментом акафиста только лишь страницей для записи имен, или же текст получил новую смысловую нагрузку в контексте памятника, и мы имеем дело с уникальным случаем адаптации фрагмента акафиста в составе синодика — литературного сборника?

Безусловно, текст Великого акафиста был хорошо известен в Древней Руси. Первый перевод в составе Триоди Постной был выполнен не позднее 916 г., большое распространение получило множество списков [7]. Поэтому «узнавание» фрагмента средневековым и даже постсредневековым читателем было неизбежным. Составители синодика — литературного сборника — и переписчик акафиста не могли рассчитывать на ошибки в идентификации текста и безликое его восприятие в контексте множества других текстов на эсхатологическую тематику. Такой подлог был бы недопустимым в первую очередь с религиозно-мировоззренческих позиций книжника. Использование бракованного листа с фрагментом акафиста могло быть возможным только в том случае, если оно органично согласовывалось с богословскими концепциями синодика и акафиста и не противоречило традициям бытования обоих жанров.

Фрагмент акафиста в контексте синодичной дидактики

Великий акафист еще в поздневизантийскую эпоху стал образцом для создания других хвалебных песнопений, также получивших название акафиста. В дальнейшем этот термин стал обозначать не конкретный текст, а жанр. Гимнографы подражали стилистике, символике, композиционному и метрическому построению первообраза, при этом тематика акафистов расширялась. Они посвящались Господу, Пресвятой Богородице, святым, праздникам. Это гимнографическое творчество продолжается до сего дня [7; 10]. Для сравнения сопоставим начало 9-го икоса акафистов Пресвятой Богородице [11, с. 114–115], Иисусу Сладчайшему [11, с. 98] и святителю Николаю Чудотворцу [11, с. 132–133].

Таблица 1 – Начало 9-го икоса акафистов Пресвятой Богородице, Иисусу Сладчайшему и святителю Николаю Чудотворцу
Table 1 – Beginning of the 9th ikos of akathists to the Most Holy Theotokos, Nice Jesus and Saint Nicholas the Wonderworker

Акафист Пресвятой Богородице	Акафист Иисусу Сладчайшему	Акафист святителю Николаю
Вѣтия многovesчанныя, яко рыбы безгласныя видимъ о Тебѣ, Богородице, недоумѣваютъ бо глаголати, еже како и Дѣва пребываеши, и родити возмогла еси? Мы же, таинству дивящися, вѣрно вопиемъ...	Вѣтия многovesчанныя, якоже рыбы безгласныя видимъ о Тебѣ, Иисусе, Спасе нашъ: недоумѣютъ бо глаголати, како Богъ непреложный и чelовѣкъ совершенный пребываеши? Мы же, таинству дивящися, вопиемъ вѣрно ...	Вѣтия сeумудренныя нечестивыхъ видимъ тобою посрамленныя, богомудре отче Николае: Ария бо хульника, раздѣляюща Божество, и Савеллия, смѣшающа Святую Троицу, препрѣлъ, насъ же во православии укрѣпилъ еси. Сего ради вопиемъ ти сице...

Из сравнительной таблицы подражание Великому акафисту очевидно, хотя степень уподобления первообразу разнится.

Н.Н. Бедина посвятила один из параграфов докторской диссертации успенскому хронотопу жития святой княгини Ольги. Исследователь подробно рассматривает влияние гимнографической акафистной традиции, а именно Акафиста Пресвятой Богородице, на оригиналь-

ный древнерусский текст жития равноапостольной княгини. В памятнике встречаются и цитаты, и непосредственные отсылки к акафистной форме, и скрытые параллели с идейным содержанием. Связь с Великим акафистом естественно прослеживается как на семантическом, так и на структурном уровне. Древний гимнографический текст был для жития источником образов, мотивов. Выстраивание параллелей с акафистом Н.Н. Бедина называет главным инструментом экзегетического понимания роли святой княгини Ольги [1, с. 161–165, 174].

Таким образом, использование образов, лексического и синтаксического материала акафиста в новом смысловом контексте традиционно практиковалось, причем не только в рамках этого гимнографического жанра, но и, например, в жанре жития.

С развитием жанра синодика с предисловиями состав литературных элементов синодика максимально расширился. Синодик постоянного состава отличался значительной свободой объединения самых разнообразных по жанру, стилю и содержанию текстов, посвященных общей синодичной теме поминовения усопших. Поэтому включение в синодик фрагмента акафиста не является чем-то из ряда вон выходящим. Примечательно, что и Л.Б. Сукина не посчитала его инородным. В рассматриваемом тексте нет ни одного упоминания о Пресвятой Богородице. Вне знания контекста сложно уяснить, к кому обращено «радуйся» и о каком таинстве идет речь. Более того, можно усмотреть смысловую близость фрагмента к православной эсхатологической концепции, выраженной в синодике.

В творениях святых отцов смерть часто именуется «таинством». «Велико и сокровенно таинство смерти, и никто не может объяснить оно», — писал преподобный Ефрем Сирий [8, с. 238]. В стихире «Плачу и рыдаю», вошедшей в состав Большого Сольбинского Синодика, есть такие строки: «О чудесе! Что сие еже о насъ бысть таинство? Како предахомся тлѣнию и припрягохомся смерти? Воистинну Божиим повелѣнием, якоже писано есть» [13, л. 11 об.]. Смерть, по словам святителя Иоанна Златоуста, «являет собой “величайшее таинство Божьей премудрости”» (цит. по: [2, с. 13]). Всё это созвучно словам акафиста: «Радуйся, премудрости Божия приятелище. Радуйся, промышления его сокровище».

Пресвятая Богородица воспевается как «любомудрыя немудрыя являющая», «хитрословесныя безсловесныя обличающая». Те же об-

разы часто используются и при иллюстрации мысли о тщете земной жизни. В виршах «Лекарство роскошником того света» (1646) ун-атский архимандрит Кирилл (Транквиллион-Ставровецкий) писал, риторически обращаясь к смерти: «Ты <...> ись премудрых философовъ смѣховиска строишь» [15, л. 149 об.], «ты риторский языкъ сладкоглаголивый / безгласиємъ связуешь и премногимъ его показуешь, / яко нѣмого болвана» [15, л. 150]. Перед Пресвятой Девой «увядоша баснотворцы». «Вся увядоша, яко трава, вся потребишася», — звучит в заупокойной стихире преподобного Иоанна Дамаскина [16, с. 105].

Даже приветствие Архангела «радуйся», повторяющееся рефреном, не выбивается из синодичного контекста. В Большом Сольбинском синодике редакцию молитвы Кирилла Иерусалимского и последующие поминальные списки имен также сопровождает рефрен: «Помяни, Господи, и упокой я въ вѣчныхъ Твоихъ небесныхъ радостѣхъ» [13, л. 28–37]. Он отражает ключевую христианскую идею — утверждение радости преодоления смерти, радости «осуществленной, а не ожидаемой эсхатологии, когда будущее уже есть настоящее» [1, с. 8, 94].

Таким образом, если абстрагироваться от контекста первоисточника, фрагмент акафиста гармонично включается в эсхатологическую концепцию сборника. Возможно ли подобное органичное восприятие отрывка с учетом контекста не только синодика, но и акафиста?

Сила Богородичной молитвы за усопших всегда особо подчеркивалась в синодиках, по важности ее ставили вслед за поминовением на литургии: «Нѣкии челоувѣкъ тропар “Богородице Дѣво, радуйся” за усопшихъ принося, и видѣ души изо ацкихъ мѣстъ на небо восходяще и глаголюще ему, яко велию пользу имут и отраду от мучения связан- ныхъ души, егда о нихъ приносится в литургию бескровная жертва, и сия Богородицы молитва зело полезна» [3, с. 64]. Другое предисловие повествует о жене, не захотевшей по совету духовника творить молитву «Богородице Дево, радуйся». После исповеди преслушавшейся было видение, что этот тропарь, написанный на хартии, перетянул все ее посты, труды, ношение власяницы и вериг. Явившаяся Пресвятая Богородица показала той жене на небе 15 «градовъ пресвѣтлыхъ» (у Е.В. Петухова ошибочно «рядовъ пресвѣтлыхъ» [5, с. 178]), в которых люди непрестанно пели «Богородице Дево, радуйся»: «Сии вси во пресвѣтлыя оныя грады сподобившиися внити сея ради молитвы»

[14, л. 15]. Разбойник Домицел, схваченный на месте преступления и обезглавленный, смог исповедаться, согласно апокрифическому рассказу, даже после смерти, благодаря тому, что «всегда поздравляль Пречистую Дѣву Богородицу» [13, л. 25 об.].

В лицевом синодике Успенского девичьего монастыря в Александровской слободе встречается молитва Божией Матери за усопшего, датируемая началом XVIII в. В ней «жертвой умиловительной» [3, с. 344] за душу становится именно архангельское приветствие: «О Пресвятая Владычице моя Богородица избави адовых вечных бесконечных мук душу усопшаго раба твоего ради ангельского твоего хваления и архангельского твоего поздравления, еже о нем сице вопию: Богородице Дево радуйся» [14].

Причудливое сочетание заупокойных молений с такой праздничной, хвалебной жанровой формой, как песнь Пресвятой Богородице, служит ярким примером «финалистического оптимизма» русского синодика [3, с. 95]. Это во многом объясняет включение в памятник фрагмента акафиста.

Не вошедшие в Малый Сольбинский синодик начальные строки 9-го икоса восхваляют чудо Боговоплощения. Именно оно именуется «таинством». Перед ним, перед Самой Пресвятой Богородицей «увядоша баснотворцы», «вѣтия многовещанныя, яко рыбы безгласныя, <...> недоумѣвают», любомудрые являются немудрыми, «хитрословесныя» — «безловесными». «Премудрости Божия приятилище» и «промышления его сокровище» — это сама Пречистая Дева, вместившая во утробе Своей Превечное Слово.

Чудо Боговоплощения в гимнографии традиционно сопоставляется с жизнью после кончины, воскресением, вечным бессмертием. Тропарь Успения Пресвятой Богородице начинается такими параллелизмами: «В рождестве девство сохранила еси, / во успении мира не оставила еси, Богородице» [9, с. 39]. «Умерщвления предел сломила еси, вечную жизнь рождающая Христа», «Не разверзл еси врата девства в воплощении, гроба не разрушил еси печатей, Царю создания», «Сниде в преисподняя земли, в ложесна Твоя, Чистая, спешдый и вселившийся, и воплотившийся паче ума, и воздвиже с Собою Адама, воскрес от гроба», — поется в богородичнах пасхального канона предподобного Иоанна Дамаскина [16, л. 65, 68, 68 об.].

Н.Н. Бедина в диссертации отмечает, что Великий акафист наполнен как рождественскими, так и пасхальными мотивами (мотивами победы над смертью, преодоления падения и тленности человека). Исследователь также отмечает, что автор жития святой княгини Ольги «парадоксально» развивает оппозиционные отношения между земной жизнью (смерть) и девством, чистотой (жизнь), ориентируясь на древние гимнографические традиции праздника Успения, в частности, на канон преподобного Космы Маиумского (VIII в.): «По рождестве — Дева, и по смерти жива» [1, с. 164–165].

Рождество Христово было предвестием победы над грехом и смертью. Святитель Афанасий Великий в труде «О воплощении Бога Слова» писал: «Спаситель Вочеловечением явил сугубое человеколюбие и тем, что уничтожил в нас смерть и обновил нас...». «Он явился нам, соединив Божество с душой и телом, чтобы как Богу избавить от смерти и душу и тело» (цит. по: [2, с. 131]). Греческий богослов Н. Василиадис отмечает, что даже икона Рождества Христова, по принятому в православной иконографии канону, весьма выразительно передает сокрушение смерти и ада, начинающееся Божественным Вочеловечением. Пелены имеют образ смертного савана. Неподвижность Младенца означает молчание Великой Субботы. Светлый образ Христа, контрастирующий с черным фоном, символизирует сошествие во ад. Темный цвет пещеры символизирует мир, омраченный грехом, «жалом смерти» [2, с. 131–132]. «В лице Воплотившегося Господа греху и смерти были нанесены смертоносные удары» [2, с. 123].

Таким образом, несмотря на то что появление фрагмента акафиста Пресвятой Богородице в синодике уникально и было, вероятно, обязано непригодности листа для акафистного списка, такое включение не противоречит жанровым особенностям синодика и акафиста. Более того, отрывок естественно вписался в группу текстов синодика и стал аллюзией на традиционные богословские параллели в духе «эсхатологического оптимизма» [3, с. 98]: смерть — таинственное рождение в вечную жизнь, девство по Рождестве — жизнь по смерти, Боговоплощение — начало упразднения смерти, спасения человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 Бедина Н.Н. Эсхатологический хронотоп средневековой русской культуры в служебных и повествовательных книжных текстах: дис. ... д-ра культурологии. Архангельск, 2020. 335 с.
- 2 Василиадис Н. Таинство смерти. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998. 589 с.
- 3 Дергачева И.В. Древнерусский Синодик: исследования и тексты. М.: Кругъ, 2011. 404 с.
- 4 Осокина Е.А. Проблемы соотношения гимнографии и агиографии на память княгини Ольги: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: ИМЛИ РАН, 1995. 161 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/problemy-sootnosheniya-gimnografii-i-agiografii-na-pamyat-knyagini-olgi#ixzz4b6d8DfXk> (дата обращения: 31.08.2021).
- 5 Петухов Е.В. Очерки из литературной истории синодика. СПб.: О[бщество] Л[юбителей] Д[ревней] П[исьменности], 1895. VI, 406 с.
- 6 Сукина Л.Б., Капков К.Г. Лицевые Синодики Николо-Сольбинской пустыни. XVIII век (Труды Научного отдела Николо-Сольбинского женского монастыря Переславской епархии. Историческая серия. История Николо-Сольбинского монастыря. Кн. 2). Местечко Сольба; Переславль-Залесский; М.: [б. и.], 2021. 352 с.

Источники

- 7 Акафист // Православная энциклопедия. Т. 1. URL: <https://www.pravenc.ru/text/63814.html> (дата обращения: 31.08.2021).
- 8 Ефрем Сирин, *прп.* Творения. М.: Московский Патриархат; Посад, 1994. Ч. 3. 431 с.
- 9 Минея август. М.: Издат. совет РПЦ, 2002. Ч. 12. 448 с.
- 10 Монастырский синодик: о поименовании усопших // Успенский женский монастырь города Александрова. 2014–2019. URL: <http://alexandrov-obitel.ru/?p=3342> (дата обращения: 31.08.2021).
- 11 Православный молитвослов. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиной пустынь, 2015. 512 с.
- 12 Синодик // ПЗГИАХМЗ. Инв. 4309.
- 13 Синодик // ПЗГИАХМЗ. Инв. 4310.
- 14 Синодик // РГБ. Ф. 310. № 160.
- 15 Транквилион-Ставровецкий К. Перло многоценное. Могилев, 1699. 180 л.
- 16 Требник. Репринт. изд. СПб.: Издат. совет РПЦ, 1995. 310 с.
- 17 Троиць цветная. М.: Издат. совет РПЦ, 2002. 670 с.

REFERENCES

- 1 Bedina, N.N. *Eskhatologicheskii khronotop srednevekovoi russkoi kul'tury v sluzhebnykh i povestvovatel'nykh knizhnykh tekstakh* [The Eschatological Chronotope of Medieval Russian Culture in Service and Narrative Book Texts: DSc Dissertation]. Arkhangel'sk, 2020. 335 p. (In Russian)
- 2 Vasiliadis, N. *Tainstvo smerti* [The Mystery of Death]. Sergiev Posad, Sviato-Troits. Sergieva Lavra Publ., 1998. 589 p. (In Russian)
- 3 Dergacheva, I.V. *Drevnerusskii Sinodik: issledovaniia i teksty* [The Old Russian Synodic: Studies and Texts]. Moscow, Krug" Publ., 2011. 404 p. (In Russian)
- 4 Osokina E.A., *Problemy sootnosheniia gimnografii i agiografii na pamyat' knyagini Ol'gi* [Problems of the Ratio of Hymnography and Hagiography to the Memory of Princess Olga: PhD Thesis, Summary]. Moscow, 1995. Available at: <http://www.dissercat.com/content/problemy-sootnosheniya-gimnografii-i-agiografii-na-pamyat-knyagini-olgi#ixzz4b6d8DfXk> (Accessed 31 August 2021). (In Russian)
- 5 Petukhov, E.V. *Ocherki iz literaturnoi istorii sinodika* [Essays from the Literary History of the Synodic]. St. Petersburg, O[bshchestvo] L[iubitelei] D[revnei] P[is'mennosti] Publ., 1895. VI, 406 p. (In Russian)
- 6 Sukina, L.B., Kapkov, K.G. *Litsevyi Sinodiki Nikolo-Sol'binskoi pustyni. XVIII vek* [Facial Synodics of the Nikolo-Solba desert. 18 Century]. *Trudy Nauchnogo otdela Nikolo-Sol'binskogo zhenskogo monastyria Pereslavskoi eparkhii. Istoricheskaiia seriia. Istoriia Nikolo-Sol'binskogo monastyria. Kn. 2* [Proceedings of the Scientific Department of the Nikolo-Solbinsky Convent of the Pereslavl Diocese. Historical series. History of the Nikolo-Solbinsky Monastery. Book Two]. Mestechko Sol'ba; Pereslavl'-Zalesskii; Moscow, 2021. 352 p. (In Russian)

Информация об авторе: Евгения Сергеевна Шадрина (инокиня Мария) — магистрант, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, 119991 г. Москва, Россия.

E-mail: maria.solba99@gmail.com

Information about the author: Evgeniya S. Shadrina (nun Maria), master's student of Department of Russian Classical Literature, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, Pirogovskaya 1, 1, 119991 Moscow, Russia.

E-mail: maria.solba99@gmail.com

Для цитирования: Шадрина Е.С. (инокиня Мария) Фрагмент Великого акафиста в составе предисловий Малого Сольбинского синодика // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 21 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 181–194. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-181-194>

© 2022, Е.С. Шадрина

For citation: Shadrina, E.S. “Fragment of the Great Acafist in the Foreword of Small Solbinsky Synodik.” *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 21. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 181–194. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-181-194>

© 2022, Evgeniya S. Shadrina